

Н. И. Пирогов о Крестовоздвиженской общине

(Из письма к Э. Ф. Раден)

Вишня. 27 февраля 1876 г.

[...]. В ту незабвенную эпоху [1854 г.] каждое сердце в Петербурге билось сильнее и тревожнее, ожидая результата битвы при Инкермане. Уже несколько недель перед тем я себя объявил готовым употребить все свои силы и познания для пользы армии на боевом поле. Просьба моя давно была подана, но все ходила по инстанциям начальства. Соглашались и нет произнести решение, а я начинал уже отчаиваться в успехе, как вдруг получил приглашение к великой княгине. К большой моей радости, она мне тотчас объявила, что взяла на свою ответственность разрешить мою просьбу. Тут она мне объяснила ее гигантский план — *основать организованную женскую помощь больным и раненым* на поле битвы и предложила мне самому избрать медицинский персонал и взять управление всего дела [...].

Я, однако, был принужден признаться, что я только раз в жизни, и то лишь поверхностно, в мое пребывание в Париже [в 1837 г.], посещая госпитали, увидел там женскую службу, и более по инстинкту, нежели по опытности, я *был убежден в великом значении женского участия*.

Конечно, женская служба в госпиталях — далеко не новое учреждение. Сперва в католических, а потом и в протестантских странах (пастором Флиндер в Кайзерверте, в 1836 году, где сестры были под именем диаконисе) была введена женская помощь; наконец, и у нас это было принято (сердобольные вдовы в Мариинской больнице, община на Песках и проч.). Но еще *нигде не*

было испробовано посылать женщин на поле битвы. Поэтому идея учредить на поле сражения организованное женское общество должна была казаться очень рискованной. Исключительные обстоятельства тогдашней войны и отдаление от образованных местностей усиливали трудности этого предприятия [...]. Общество сестер было составлено, и несколько недель спустя они были отправлены.

Может, конечно, носится слух в Западной Европе и даже у наших соседей пруссаков (как я это прочел в речи профессора Равот на собрания немецких медиков в Берлине), будто бы мисс Нейтингель с 37 сестрами, «дамами высокой души», как называет их профессор Равот, была *первая*, которая, по собственному желанию, приехала в Крымскую войну, чтобы с сестрами взять на свое попечение всех больных и раненых, находящихся в амбулатории.

Мы, русские, не должны позволять никому переделывать до такой степени историческую истину. Мы имеем долг истребовать [...] пальму первенства в деле столь благословенном, благотворном и ныне всеми принятом. И это тем легче, что сестры общины не только принесли техническую помощь, но они оказали и *нравственное влияние на дирекцию всего госпитального корпуса во время войны.*

В октябре 1854 года Крестовоздвиженская община получила высочайшее соизволение, а в ноябре того же года она находилась уже на театре войны в полной деятельности. О мисс Нейтингель и о ее «высокой души дамах» мы в первый раз услышали только в начале 1855 года, когда злоупотребления английской военной администрации, во время зимних месяцев 1854 года, так же ясно обнаружались, как и у нас. Мое предположение передать сестрам и нравственную дирекцию, и контроль перевязочных пунктов и лазаретов, конечно, только после этого времени получило разрешение великой княгини, но на факте женщины исполняли уже эти должности с самого дня своего прибытия в симферопольские госпитали. Уже ранее этого, еще не быв ознакомлен с женской службой, я *убедился a priori, что женский такт, их чувствительность и независимое от служебных условий положение гораздо действительнее могут влиять на отвратительные злоупотребления администрации, чем официальная служебная контрольная комиссия.* (Вы найдете эту идею развитую в одном из моих проектов, между вашими бумагами).

Результат совершенно подтвердил мои предположения, и, за исключением неудачного выбора одной из сестер, во время организации общины, все их действия в отношении госпитальной администрации и попечения о больных были таковы, что самые лживые языки и худшие враги новизны не могли решительно ни к чему придраться. Даже сам главнокомандующий армией, князь Меншиков, убедился, что все его опасения, как бы не ввести безнравственности в госпиталях через постоянное присутствие в них женщин, были напрасны. Однажды, когда я был представлен Меншикову, он (по пословице: что у кого болит, тот о том и говорит) сказал мне, что, на его взгляд, сестры послужат только для любовных интриг с военными. К счастью, за исключением одного вышеупомянутого случая, не оказалось ни единого безнравственного поступка во все время их службы на театре войны.

Я нимало не смотрю на современные учреждения женских обществ (у нас, в Англии, Германии и Соединенных Штатах) как на продолжение старой, традиционной идеи католиков; они, напротив того, для меня служат *знаком новых времен*. Конечно, в некоторой степени они по наружности сохраняют свой древний вид, заведенный католиками; но *современный женский вопрос духовно парит в этих учреждениях*. Организаторы и основатели их невольно, и сами того не сознавая, способствуют *требованию прав уже возбужденному женскому вопросу*. *Этот столь современный женский вопрос есть сам по себе последствие и плод радикального стремления нашего времени и особого рода мировоззрения*. Дело теперь не в эмансипации женщин, о которой я мечтал еще 30 лет тому назад; но настоящим образом значение женщин я постиг только позднее, при управлении общиною сестер и по опытам во время Крымской кампании. Там я мог ежедневно убеждаться, присматриваясь к их обдуманному суждению и аккуратным действиям, что мы не умеем ни достойно ценить, ни разумно употреблять их природный такт и чувствительность.

— Женщины должны только быть направляемы мужчинами, — сказала мне однажды покойная великая княгиня, говоря о своей женской общине.

— Это совершенно справедливо, ваше высочество, — отвечал я, — но справедливо только до тех пор, пока женщины будут воспитаны по-нынешнему и с ними будут обращаться все по той же устарелой и бессмысленной методе. Но это следует изменить,

и женщины должны занять место в обществе, более отвечающее их человеческому достоинству и их умственным способностям.

Я постарался изложить письменно все собранные мною впечатления во время моего управления общиной (вы это найдете в числе моих бумаг) и доказать, что сестры не только для ухода за страждущими, но *даже в управлении многих общественных учреждений более одарены способностями, чем мужчины [...].*

Крымская война доставила достаточно случаев для испытания пользы от женской общины. Но чувствовался недостаток в условиях, которые необходимы для солидного и продолжительного существования общины. Самая деятельность женщин на поле битвы была слишком бурлива и массивна, а средства для помощи сравнительно слишком ничтожны для того, чтобы их можно было разделить ровно и с пользой [...]. Когда, по приезде своем в Севастополь (1854 года, в октябре), я увидел, что медицинское пособие и хождение за страдальцами нужнее в лазаретах и бараках, чем на перевязочных пунктах, то я решил – всю приехавшую общину занять делом в Симферополе (1854 года, в ноябре). Здесь я и оставил их с их начальницей (Стахович) и распределил по разным лазаретам.

В самом деле, там во всех публичных зданиях и во многих частных домах в Симферополе застал я в это время (октябрь–декабрь 1854 года) несколько тысяч раненых, после битвы при Альме, Инкермане и после первой бомбардировки. Несчастные, наполнявшие дома, были лишены почти всякого ухода. Многие валялись без матрацев, в грязнейшем белье, на грязном полу, без всякого разбора и без присмотра. Воздух был страшно испорчен, раны смрадные и воспалены. Недоставало ни умов, ни рук, чтобы хоть немного привести весь этот невообразимый хаос в известность и в порядок. Между тем сюда же ежедневно привозили новых раненых из Севастополя, тогда как на перевязочных пунктах принимали очень малое число раненых (после 2 ноября долго длилось спокойствие со стороны осаждающих и осажденных), и то их отсылали тотчас для первого пособия в разные лазареты. Молодые медики натурально предпочитали покойную, без присмотра, службу в госпиталях занятиям на перевязочных пунктах, под, глазами начальства. Но медики, мне подчиненные, находили более полезным и для них более поучительным действовать в бараках Северного пункта. Эти бараки мы нашли тоже пере-

полненными и чуть ли не зачумленными. Я знал вперед, что, приняв свое решение насчет первой прибывшей партии сестер, я поступаю несогласно с воззрениями великой княгини, но, несмотря на то, я взял на себя всю ответственность и спокойно выжидал приезда второй партии сестер, которая прибыла в Севастополь после Рождества 1854–1855 года, имея во главе Бакунину и Тарасова.

Приезд этой второй партии совпал как раз с тем временем, когда осада снова стала ожесточеннее. Я тогда взял на себя попечение о главном перевязочном пункте в Севастополе (Дворянское собрание) и о всех лазаретах в Николаевских казармах и разных партикулярных домах города. Я тотчас же распределил на все места известное число сестер и медиков. До этой минуты мне не случилось почти совсем быть в столкновении с обер-медиками; но когда я на себя взял попечение о главном перевязочном пункте и о всех госпиталях, сейчас же начались разные контры между мной и администрацией.

Теперь никто себе представить не может всю отвратительность и тупоумие тогдашнего официального, администрировавшего медицинского персонала. Эти господа сразу смекнули, куда поведет учрежденный мною нравственный присмотр и контроль административного попечения над руководителями госпитальных порядков. Дела эти были поручены мною *сестрам, женщинам* и моим собственным помощникам. Это смутило г.-г. администраторов, и они стали громко роптать на превышение власти (с моей стороны), и только благодаря благосклонному вниманию генералов Сакена и Васильчикова я обязан тем, что, несмотря на все интриги, *за сестрами был удержан весь надзор над госпиталями.*

Е. М. Бакунина вела все дела присмотра за уходом больных с таким тактом, энергией и совестью, что полученный успех оказался блестящим и для всех здравомыслящих людей неоспоримым. Она заботилась наравне с сестрами о доставлении больным надлежащей порции пищи и непременно хорошего качества; она смотрела за чистотой и сменой белья, за прачечными, за частой переменой соломы в матрацах и неотступно требовала от госпитальной администрации всего, что надлежало быть выдано. Все, что прежде удерживали и не выдавали, и теперь еще старались удерживать; но Бакунина, пунктуально исполняя мои и других медиков предписания, настоятельно вытребовывала недоданное. Не удивительно, что подобное вмешательство и такая

деятельность женщин не могли быть приятны господам командирам и официальным инспекторам...

В начале марта 1855 года первая партия сестер, потерпевшая начальную тифозную эпидемию, перенеслась также из Симферополя в Севастополь. Я встретил начальницу Стахович, еще не совсем оправившуюся от трехнедельного тифа, — в слабости сил телесных и духовных. Я опасался более всего столкновений между такими двумя различными характерами, как Стахович и Бакунина, и потому я уговорил первую поместиться с своей партией на Северной стороне, в Морском госпитале. Март месяц 1855 года был изобилён боевыми подвигами. Ночная атака неприятеля на наши вновь выстроенные редуты, Селенгинский и Волынский, обременила нас тысячами тяжело раненых, а наша администрация, как всегда, была мало подготовлена к встрече событий. В эту ночь в Морском госпитале (раненые были отправлены туда) царствовала ужасная кутерьма. В полумраке от недостаточного освещения медики работали в темноте и в тесноте среди страдальцев, валявшихся где попало, а теснота еще увеличивалась от постоянного приноса новых раненых. Все тут так долго и так много трудились, что, наконец, все (а число их было невелико) утомились донельзя и совершенно стали и были неспособны оказывать помощь другим. В эту же ночь и в два следующие дня перенесли отсюда почти половину раненых на перевязочный пункт.

К счастью, я с самого начала взял себе за правило, когда вдруг разом нахлынет большое число раненых, распределять медицинскую помощь в строго учрежденном порядке, — чего и достигал сортированием и разделением раненых на категории. И еще не меньшим счастьем было то, что наш перевязочный пункт (Дворянское собрание) к этому времени был отлично приготовлен для принятия раненых. В объяснение этому я должен сказать, что когда я, в январе 1855 года, решился занять эту квартиру, то я нашел это хорошее здание переполненным людьми, сбитыми в самой испорченной атмосфере. Порча воздуха была ужасна, и она явилась вследствие несчастной лени моего предшественника, который оставлял тут всех людей, перешедших через операции (вместо того, чтобы отсылать в другие госпитали). От чрезвычайного переполнения в комнатах между больными открылись антонов огонь и рожа, а также и другие госпитальные заразы. Поэтому я принужден был

выслать всех из дому и несколько недель производил в нем усиленную вентиляцию. Ночная катастрофа случилась именно тогда, когда здание перевязочного пункта было достаточно очищено и приготовлено.

Тогда, по установленным мною правилам, я тотчас разделил своих медиков и сестер на четыре группы. Из них первая была обязана сортировать раненых по роду и по градусу болезни; принимать от них деньги и вещи, им принадлежащие, и тех, которым следовало сделать немедленную операцию, тотчас передавать второй группе помощников; легко раненых же (для избежания тесноты на перевязочном пункте) тотчас после подания помощи отсылать в другие лазареты или возвращать в их полки. Вторая группа должна была принимать от первой раненых для немедленной операции, и тотчас же переносить их в смежную залу перевязочного пункта. Третья группа занималась уходом за ранеными, которым должно было делать операции только на следующий день или даже позднее. Четвертая группа, состоящая из одних сестер и одного священника, была назначена для безнадежно больных и умирающих, которым сестры старались доставлять последний уход и предсмертные утешения. Наконец, две сестры (хозяйки) были озабочены только тем, чтобы раздавать усталым и проголодавшимся или жаждущим раненым кому вина или пуншу, кому чаю или бульону. Сестры-хозяйки хранили всю провизию и должны были иметь всегда все нужное наготове.

Когда весь этот порядок понемногу и не без труда был введен в перевязочном пункте, тотчас же прекратились случаи изнеможения и обмороков у самих служащих, а с тем вместе почти не стало и смрадного запаха в залах. Не всякий может себе представить, как это важно, а между тем без этого легко потерять голову и силы от желания и от невозможности подать помощь всем без разбора раненым, которые нетерпеливо вопиют о помощи. В этой суетне того и гляди, что от утомления и торможения во все стороны как раз упустишь из виду именно того страдальца, которому необходима немедленная операция, а потратишь напрасно время и свои силы на того, который мог бы еще обождать, или который даже и вовсе в тебе не нуждается. Медики и сестры перестали с этого времени, при всяком сильном наплыве раненых, безумно метаться туда и сюда и не кидались уже, прежде всего, к тем, которые громче других кричат и стонут, так как крики и стоны не всегда указывают на особенную тяжесть ран и увечья.

С марта месяца до моего отъезда в Петербург (в июне 1855 года) сестры продолжали соблюдать все мои правила в наистрожайшем порядке, да и после, насколько я мог узнать, сестры не перестали действовать так же. В этом периоде времени община сестер была в непрестанных трудах по лазаретам, а, кроме того, они оказали благотворную помощь еще в следующих необыкновенных случаях: 1) во время ночных атак против новых редутов они работали на перевязочном пункте в Морском госпитале и в бараках Северной стороны (март); 2) во время других, менее сильных, ночных атак (март); 3) во время ужасного бомбардирования на второй день Пасхи (апрель), которое продолжалось без отдыха всю неделю, гремя день и ночь, и посылало нам на перевязочный пункт тысячами одних тяжелораненых. В это же время самое здание, где мы помещались (Дворянское собрание), само не раз получало бомбы с неприятельских кораблей. Раны почти все представляли страшные разрывы членов от бомб большого калибра. От 150 до 200 ампутаций и других тяжелых операций случалось исполнять каждый день, *имея ассистентами одних сестер*. Все квартиры в севастопольских казармах, все лазареты и партикулярные дома были наполнены тысячами тяжелораненых, только что перенесших операции, или умирающих; 4) во время одной сильной атаки неприятеля на наши отдаленные траншеи (апрель); 5) в непрестанных атаках и взрывах мин наших четырех бастионов, откуда также мы получали одних тяжелораненых при взрывах (март и апрель); 6) при невероятном транспорте, где везли 500 раненых, только что получивших операцию, и это было учинено вследствие неожиданного и, смею сказать, нелепого приказа, которое было прислано нам через пароход из Николаевской батареейной казармы. Когда все эти пятьсот страдальцев (от бомбардирования на Пасхе) — с величайшим трудом и попечением со стороны медиков и сестер — были поспешно высланы в назначенное им начальством место, то оказалось, что там, куда их повезли, не существует даже никакого приготовленного здания для их принятия [...]. И вот всех этих труднооперированных свалили зря, как попало, в солдатские палатки [...]. До сих пор с леденящим ужасом вспоминаю эту непростительную небрежность нашей военной администрации. Но этого было мало! Над этим лагерем мучеников вдруг разразился ливень и промочил насквозь не только людей, но даже и все матрасы под ними. Несчастные так и валялись в грязных лужах...

А когда кто-нибудь входил в эти палатки-лазареты, то все вопили о помощи и со всех сторон громко раздавались раздражающие, пронзительные стоны и крики, и зубовный скрежет, и то особенное стучание зубами, от которого бьет дрожь. От 10 до 20 мертвых тел можно было находить меж ними каждый день. Здесь помощь и труд сестер оказались неоцененными. Стоя в лужах на коленях перед больными, наши женщины подавали посильную помощь, в которой они сами нуждались [...]. И так они трудились денно и нощно. В сырые ночи эти женщины еще дежурили, и, несмотря на свое утомление, они не засыпали ни на минуту, и все это под мокрыми насквозь палатками.

И все такие сверхчеловеческие усилия женщины переносили без малейшего ропота, с спокойным самоотвержением и покорностью. В доказательство полного самозабвения сестер при подавании помощи следует здесь сказать, что десять из этих женщин не выдержали госпитальной заразительности и сами поплатились жизнью; 7) во время одного неприятельского нападения на Камчатский редут попечения о раненых со стороны наших медиков и сестер обнаруживались хотя и с ревностью и неутомимостью, но были слабы в результате. Это произошло от недостатка в средствах помощи (опять по вине администрации), так как большая часть раненых (тысячи две) не тотчас была перенесена на перевязочный наш пункт. Почти все раненые валялись на улице всю ночь, а потом только часть из них перенесли в бараки на Северную сторону. Здесь действовала Стахович с своей партией сестер, но в этих бараках не доставало места для произведения операций; 8) наконец, с последних чисел апреля до июня, так как около этого времени осада с каждым днем становилась сильнее и деятельнее, и раненые почти со всех бастионов присылаемы были на наш перевязочный пункт (Дворянское собрание), то и здесь дежурные сестры были завалены работою, особенно прикладыванием биндажей при совершении операций, от 20 до 30 в день. В это же время я назначил также некоторых сестер для попечения о раненых на новом месте, в устроенном мною госпитале-палатке из двойного солдатского сукна и из клеенки. Это учреждение на 30 кроватей, без тесноты, было сделано на деньги, пожертвованные графом Виельгорским.

В июне я поехал в Петербург, в сентябре же 1855 года снова вернулся в Севастополь. Там застал я множество раненых после штурмования Малахова кургана (дней пять после битвы).

Несчастные раненые кучами лежали в палатках на Северной стороне, а других приготавливали к отсылке в Симферополь или в Бахчисарай, и ими наполнили много крестьянских телег.

Вторжением своим в крепость на Северной стороне неприятель понудил общину сестер разбрестись с мест, которые они там занимали, и я тотчас распределил их по разным госпитальным палаткам, заботясь прежде всего о том, чтобы не допустить, насколько возможно, никаких столкновений между г-жою Стахович и Бакуниной. Несогласие этих двух особ дошло, как я это скоро заметил, до высшего градуса. К счастью, почти в одно время со мной прибыла из Одессы покойная Хитрово. Обсудив натянутые отношения и совсем различные характеры обеих начальниц, она взяла сторону Бакуниной и вскоре, по желанию великой княгини, приняла главное управление общиной на себя. Сделала это она не совсем охотно. После того Хитрово принялась распределять всех сестер к занятиям, отвечавшим их личным способностям.

Первый выбор большей части сестер не мог, конечно, по тогдашним обстоятельствам, быть вполне удачным. Они преимущественно были набраны в Петербурге, притом с большою поспешностью. Некоторые из них были без всякого образования; например, одна все твердила, что «следует нам тотчас отправляться в Англию, чтобы наказать проклятых англичан за их дерзость», и когда я ей растолковал, что Англия — остров, то она отвечала: «Что ж за важность, что остров, — как-нибудь да все-таки подойдем» [...]. Одна монашенка, довольно образованная, из дворянок, отличалась невыносимым талантом к смутьянству и сплетням. Темный невежда и злой интриган-монах был дан в священники и в духовные отцы всей женской общине [...].

Ко всему этому надо прибавить, что одна из начальниц, хотя на вид казалась очень *présentable*^{*}, но в сущности имела настоящую чиновническую натуру.

А, все-таки, несмотря на все эти неблагоприятные условия, поведение сестер с медиками и их помощниками было примерное и достойное уважения; обращение их с страждущими было самое задушевное, и вообще все действия сестер, при уходе за больными, сравнительно с поведением госпитальной администрации, должны были [быть] названы не иначе, как *благородными*. *И замечательно, что самые простые и необразованные из них*

* Представительная.

выделяли себя более всех своим самоотвержением и долготерпением в исполнении своих обязанностей. Многие из них пали жертвами прилипчивых госпитальных болезней. Одна из них [...] заведовала категорией тяжелораненых и безнадежных к излечению (солдаты звали ее: «сестричка» *par excellence*)* [...]. Другая сестра, также простая и необразованная, посещала по собственному желанию наши форты и была известна как героиня. Она помогала раненым на бастионе, под самым огнем неприятельских пушек.

Так, надо признаться, что наша община сестер вполне достигла своей цели. Она почти, можно сказать, была сымпровизирована бедствиями военного времени и поэтому имела свои слабые стороны; но, несмотря на то, она отличалась в уходе за ранеными и больными, презирая все злоупотребления администрации, все опасности войны и даже самую смерть. Залог этого замечательного явления неоспоримо лежит в кипучей деятельности и нервном возбуждении в военное время; изобилие дела заменяло недостающую в общине духовную силу и не совсем отличную организацию. Да послужит это уроком будущим основателям. Не абстрактный принцип, не возвышенное побуждение сердца, а непрестанная и хорошо распределенная деятельность — вот главное условие, которое надо иметь при устройстве современных общин [...]. Независимо от сего, для полезной организации общины, разумеется, необходим рассудительный выбор начальственного персонала. Наша община, с самого начала, получила трех начальниц, и в подробной истории этого учреждения видно, какую важную роль они играли.

Е. М. Бакунина, как уже было сказано, приняла управление общиной тотчас же по своем приезде в Севастополь. Но лишь только туда прибыла Стахович с своими сестрами, Бакунина отказалась от управления. Стахович, как официальная начальница общины, занималась гораздо более администрацией общины, чем распределением и учением, как обходиться с ранеными. Бакунина, напротив, тотчас с увлечением предалась всецело служению больным и с полным самоотвержением несла эту тяжелую службу. Она сделалась *примером* терпения и неустанного труда для всех сестер общины.

Неоценимо было особенно то, что вся ее личность дышала истиной, что полная гармония царствовала между ее чувствами и ее действиями. Она точно составляла слиток всего возвышен-

* По преимуществу.

ного. Чем более встречала она препятствий на своем пути самозабвения, тем более выказывала она ревности и энергии. Она покорялась только тому, в чем могла убеждаться сама, обсудив полезную сторону всякого дела; поэтому все ее действия были самостоятельны и отчасти даже деспотичны. Она знала сама, что *неспособна, по своим идеям, влиять на общину с религиозной точки зрения* [...].

Как только Стахович с некоторыми, ни на что негодными и утомленными трудами, сестрами отправлена была от нас (в конце сентября-октября 1855 года) и Е. А. Хитрово вместе с Е. М. Бакуниной взялись за дирекцию общины, тотчас же в сестрах обнаружилось влияние совсем иного духа. Вскоре водворились тишина, порядок и строго установленная деятельность во всех их действиях.

Когда же, наконец, прибыла и третья значительная личность общины, Е. П. Карцева, с некоторыми новыми сестрами, и прямо въехала в Симферополь, где приняла дирекцию одной партии сестер, то уж была введена настоящая гармония в воззрениях и в действиях общины. Е. П. Карцева, хотя гораздо моложе и неопытнее Хитрово и Бакуниной, притом она молчаливого и тихого нрава, показала, однако, что у нее много такта, последовательности и особенной самостоятельности в исполнении взятых на себя обязанностей. Попечение о больных, надсмотр и контроль госпитальной прислуги ведены были этими тремя личностями с такою бдительностью и энергией, что их действия невольно повлияли на всех членов госпитальной администрации, и все отношения к общине существенно изменились. С этой поры никто уже не осмеливался позволять себе неуместных выражений насчет контрольных действий сестер, и даже лица из высшего военного круга не осмеливались, как бывало ранее, шутить над «небесно-голубыми глазами» [...].

Симферопольские лазареты и бараки были наполнены ранеными после штурма Малахова кургана, и меж ними царствовали тиф и кровавый понос. В. И. Тарасов и новые прибывшие со мною в сентябре 1855 года медики способствовали улучшению отношения общины с госпитальной администрацией. Они старались придать более веса участию женщин, чтобы возвысить их в глазах администрации. Я желаю назвать из этих медиков покойного Беккерса и горячо рекомендованного им мне Боткина, из Москвы.

Я заботился, насколько мог, с пользой распределить сестер с этими, под моей командой находящимися, молодыми врачами по разным лазаретам. Присланных же мне покойной императрицей «сердобольных» я должен был, по желанию великой княгини, занять совершенно отдельно от сестер. Таким образом, в городских лазаретах действовали Е. А. Хитрово и Е. М. Бакунина с Тарасовым, Хлебниковым и другими врачами. На другой половине симферопольских госпиталей действовали сердобольные с военными медиками. Е. П. Карцеву с Боткиным и еще несколько молодых врачей я занял в бараках, лежащих вне города. Это был лучший период существования общины во всей ее истории, и я не знаю, пережила ли она позднее такой чудный период времени!

Только два вопроса озабочивали еще меня и покойную Е. А. Хитрово: распределение сестер по разным местностям и сопровождение транспортов больных в Перекоп. По желанию великой княгини мы устроили отделения общины в госпиталях Перекопа (в овчарнях) Херсона и Николаева и отдали их под надзор Хитрово и избранных ею старших сестер. Но, чтобы совершить большой транспорт (в ноябре 1855 года) и при невыгодных условиях климатических, я предложил Бакуниной принять на себя сопровождение и дирекцию одного, вместе с попечением о транспортируемых. Я знал, что она, насколько возможно, сумеет облегчить страдальцам их горькую участь. Бакунина безотговорочно приняла мое предложение и исполнила его с полным самопожертвованием. В больших сапогах и в бараньем тулупе она тащилась пешком по глубокой грязи (перекопская грязь — *nota bene*) и сопровождала мужицкие телеги, битком набитые больными и ранеными; она заботилась, насколько было возможно, о страдальцах и ночевала с ними в грязных, холодных этапных избах.

Старые злоупотребления администрации, однако ж, не прекратились с занятием Севастополя. Недоставало множества необходимых предметов, в особенности в то время, когда зима подошла к дверям и повальные болезни (тиф, возвратная горячка, кровавые поносы). Бараки и госпитали не оказались довольно просторными для принятия всех заболевших эпидемией. Множество больных опять было помещено под холодными госпитальными палатками. Тут оказалось также, что новоустроенные бараки и квартиры сестер были холодны, сыры и совершенно не имели

вентиляции. Администрация же, как всегда, желала, чтобы мы находили все удовлетворительным, и очень неохотно отпускала нам дрова, теплые платья и горячие кушанья, Я должен был неустанно жаловаться, требовать и писать. При этом частом писании мне невозможно было всегда обдумывать слова и выражения, какие считаются уместными в официальных бумагах, и через это несколько раз выходили неприятности. Некоторые мои выражения в письменных моих просьбах оказались «несоответственными» или недостаточно вежливыми. Особенно обидчивым на этот счет показал себя начальник госпитальной администрации г. Остроградский.

Однажды, после неоднократных и напрасных моих просьб к нему о том, чтобы он снабдил нас дровами для отопления наших ледяных барачков и помещений сестер, Остроградский напал на одно мое «неприличное выражение» в письме («имею честь *представить на вид*») и пожаловался на меня князю Горчакову, и вследствие этой жалобы мы *дров* не получили, но я зато получил резкий выговор сперва от Горчакова, а позднее — от самого государя [...].

Все эти хорошие и неприятные, давно пережитые мною испытания в жизни представляются теперь передо мной, как фигуры калейдоскопа, на которые я смотрю сквозь тусклое, почерневшее стекло. Когда я теперь вспоминаю, как тогдашние обстоятельства мало способствовали развитию только что устроенного Общества сестер и как плохо эти обстоятельства соответствовали выгодам этой организации, то я чувствую, что в самом деле я принужден восторгаться от тех добрых результатов, которые дало это женское учреждение. Результаты эти, во всяком случае, доказывают, что до сей поры мы совершенно игнорировали чудные дарования наших женщин. Эти дарования ясно доказывают, что современный женский вопрос и тогда уже был в полном праве требовать своего *raison d'être*. То, что противники благоразумной эмансипации женщин еще до сего дня утверждают, будто бы велика разница в организации полов, — например, меньший вес в мозгу и проч., — этого нечего брать во внимание, и это никогда не выдержит серьезной критики. Женщина, если она получит надлежащее образование и воспитание, может так же хорошо усвоить себе научную, художественную и общественную культуру, как и мужчина. При этом главное условие только то,

чтобы женщина всегда сохраняла в себе физиологическую и нравственную женственность и *выучилась бы не расставаться с нею*.

Это, конечно, нелегко, но, однако, возможно, и это именно то, что защитники, как и противники женского вопроса, упускают из вида. Женщина, с мужским образованием и даже в мужском платье, всегда должна оставаться женственной и никогда не пренебрегать развитием лучших дарований своей женской природы. И я решительно не вижу, почему одинаковое общественное положение женщины с мужчиной может помешать такому развитию.

Если же меня спросили бы: какое мировоззрение должно служить основанием для учреждения общины сестер в нашем отечестве, то я могу дать пока только отрицательные ответы. Я могу сказать одно, что старокатолическое и протестантское мировоззрения для нас, как основание, негодны. Православные монахини, или учреждение диаконисе, тоже в наше время не годятся. Наша церковь не имеет никаких преданий для подобных учреждений, и она настолько консервативна и формальна, что не в силах примениться к насущным требованиям нового времени. Поэтому я думаю, что наши учреждения сестер не должны ничего заимствовать у западных, а должны установиться на новых началах [...].

Наша сестра милосердия не должна быть православной монахиней. *Она должна быть женщиной с практическим рассудком и с хорошим техническим образованием, а притом она непременно должна сохранить чувствительное сердце*. Но главное условие для достижения успеха в наших подобных учреждениях должно быть то, чтобы деятельность в женщинах была поддерживаема непрерывно. А притом положение их в госпиталях должно быть, насколько возможно, независимо от госпитальной администрации. Самые же образованные сестры, которым будет поручаема надзор за общиной, должны быть так поставлены, чтобы они могли нравственно влиять на весь персонал госпитальный. *Если же мы вздумали бы вводить в наших общинах формально-религиозное направление, то непременно случилось бы то же самое, что произошло при введении в общину некоей 2-жи Вуич: мы получим женских Тартюфов [...]*.